

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ «ВКУС ЭПОХИ» (СЕРЕДИНА XX ВЕКА)

Мы с Геннадием Михайловичем любили друг друга, хотя были «сеяны» в науке на разных фонологических «полях» [2: с. 94–101]. Так, я не согласен с тем, что возможность/невозможность фонемной интерпретации зависит от стиля произношения [3: с. 121].

Это статья представителя Московской фонологической школы, дружившего с Г.М. Богомазовым.

Ключевые слова: Московская фонологическая школа; Санкт-Петербургская фонологическая школа.

В 1950-е годы на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова существовала товарищеская традиция — старшекурсники опекали младших. Так, опекуном в филологических делах (Тамары Ипполитовой, позже Ганиевой, Иры Андриановой, Нади Свириденковой и моим) был Олег Раменский. Например, он возил нас в диалектологическую экспедицию в Брянскую область, где корректировал наш вербальный слух. А в лыжных походах «начальником» был у нас Юра Грейдинг, уже тогда слывший опытным спортсменом¹.

В конце второго года обучения всем нам надо было выбрать спецкурс и спецсеминар (на 3 года, чтобы у выбранного научного руководителя потом заодно написать и дипломную работу). Олег Раменский советовал нам записаться к профессору Т.П. Ломтеву. Дипломные работы у нас были посвящены как бы «недостающим» параграфам (темам) из сложного предложения уже готовой к печати монографии Тимофея Петровича «Очерки по историческому синтаксису русского языка». Например, темой у меня была «История сложноподчи-

¹ Олег, москвич, после окончания университета всю жизнь преподавал в Северодвинске Архангельской области, а Юрий стал известным переводчиком с испанского языка.

ненных предложений с придаточными места в восточнославянских языках». Я с головой ушел в нее, занимался ею 3 года, в основном в университетской Фундаментальной библиотеке им. Горького на Моховой улице. Весной 1956 года Т.П. Ломтев порекомендовал мне в качестве рецензента дипломной работы известнейшего русиста (в том числе синтаксиста) того времени проф. А.Б. Шапиро. Именно в эти недели Абрам Борисович отдыхал в санатории «Узкое» в Ясеневе. Это считалось тогда далеко за городом, никакого метро туда не было. Я с Калужской заставы (сейчас площадь Гагарина) доехал на автобусе до санатория, нашел номер, в котором жил и работал Абрам Борисович. Мне было сказано, что через неделю можно забрать работу и рецензию, но в следующий раз Абрам Борисович посмотрел на меня пристальнее и сказал коротко то, что было существенным в рецензии: история союзного слова *где*, украинских *иде* и *де*, белорусского [ʎ]de написана почти на уровне кандидатской диссертации. Меня интересовали факты реальной речи, а психологически я готовился поступать в аспирантуру МГУ еще на начальных курсах, однако в 1956 году объявили приказ Минвуза: заявления в аспирантуру принимать только от тех, кто имеет 2 года послевузовского стажа работы.

Обеспокоенный, я начал искать место работы. Лёсик Иванов-Аннинский, мой товарищ по курсу, тогда уже опытный журналист и фотограф в журнале «Советский Союз», посоветовал мне пойти в Издательство МГУ, где директором недавно стал наш милейший замдекана М.Н. Зозуля. Я надеялся, что он не забыл меня с тех пор, как проводил собеседование со мной как с абитуриентом и неоднократно виделся со мной на факультете по делам моего курса. Михаил Никитич церемониться особенно не стал и зачислил меня старшим корректором в мае, то есть до окончания обучения в университете.

Здесь, в издательстве, я буквально «врубился» в «Фонетику современного русского литературного языка» Р.И. Аванесова. Эта книга, как и монография Т.П. Ломтева «Очерки по историческому синтаксису русского языка», достались мне в корректорской без конкуренции, поскольку среди корректоров не было лингвистов. Я был очарован стилем, манерой последовательного изложения у Р.И. Аванесова, так же как это было 4 года назад, когда

нам, своим однокурсникам, растолковывал «Очерки по современному русскому языку» 1945 года Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова (при подготовке к экзамену по фонетике) Грейнем Ратгауз.

Редактором «Фонетики» Аванесов рекомендовал К.В. Горшкову, но чаще встречался с Рубеном Ивановичем я: надо было «снимать вопросы». Обычно над тем, что я спрашивал по сути текста, Рубен Иванович думал минуту-другую, затем набрасывал новый отрывок или обещал принести замену в следующий раз. Нельзя сказать, что я понимал до конца пособие Р.И. Аванесова 1956 года, доказательство тому — ряд ошибок, в том числе в истории твердости – мягкости и другие, которые К.В. Горшкова настояла опубликовать в виде вклейки «Опечатки».

В монографии Т.П. Ломтеева нравилось главное: «Исторический процесс отмирания элементов старого качества и накопление элементов нового качества». У меня не хватало опыта, чтобы понять, что мы имеем дело с переходом от теории стадиальности в марризме к модному структурализму.

Год спустя стал я старшим редактором и в числе прочих работ (Е.М. Галкиной-Федорук, В.В. Виноградова, В.А. Звегинцева и др.) имел редакторское отношение к сборнику кафедры русского языка филологического факультета «Вопросы истории русского языка» под редакцией проф. П.С. Кузнецова. С согласия последнего опубликовал в сборнике ту часть дипломной работы, о которой специально отзывался рецензент проф. А.Б. Шапиро. Уже тогда я мог видеть, как тщательно читает статьи Петр Саввич (для меня это было ново и поучительно); в результате у меня лично получилась статья меньше 1 авторского листа, за которую мне и сегодня не стыдно, — эту статью я сдал потом в качестве реферата при поступлении в аспирантуру; а Р.И. Аванесов как рецензент читал и одобрил ее. Я был в полной уверенности, что продолжу работу на материале, который был мне знаком по учебе в университете и симпатичен как материал реального языка. Но осенью 1958 года наш проф. Т.П. Ломтев работал уже над структуралистскими проблемами, пригласил, например, С.К. Шаумяна прочитать лекцию о двухуровневой теории фонем (это когда идейная схема накладывается на материал, и работа с теоретической сто-

роны выглядит привлекательной). Меня Т.П. Ломтев усадил изучать «Введение в метаматематику» А. Чёрча, и через 2–3 недели я понял, что структуралистом быть не смогу. Тимофей Петрович не шел ни на какие уступки: «Напишешь нужную работу, а через 3 года делай что хочешь». Я пошел на прием к заместителю завкафедрой, добрейшему проф. А.И. Ефимову, и рассказал ему о своей беде. Тот отнесся ко мне сочувственно и вспомнил свой случай, когда в Перми не согласился с прежним научным руководителем и перешел под начало проф. Н.М. Каринского, у которого благополучно написал кандидатскую о местоимениях. Тут как раз через круглый зал кафедры на Моховой проходил Т.П. Ломтев, и А.И. Ефимов подозвал его и несколько прямодушно, по-простецки спросил его, не против ли он, если вот Ганиев перейдет под научное руководство проф. П.С. Кузнецова. До сих пор не забуду, как потемнело лицо Тимофея Петровича, тем не менее вопрос был решен, я заранее обговорил его с Петром Саввичем. Он мне предложил тему о грамматической роли страдательных причастий в церковно-славянских памятниках русского извода XVI века. Я знал, что это соседствует с темой докторской диссертации П.С. Кузнецова (вернее, пришлось ему писать ее во второй раз, поскольку чемодан с рукописью первого варианта украли у Кузнецовых при переезде в эвакуацию в Мордовию во время Великой Отечественной войны в 1941 году).

Снова сел я за книги и статьи (их было около ста) и пришел к выводу, что не лежит мое сердце к исторической морфологии, в особенности к церковно-славянскому языку. Хотелось изучать современный (живой) язык, в частности влияние русского языка (метрополии) на другой мой родной — узбекский. Петр Саввич сделал характерное движение (у него непроизвольно-болезненно кривились вбок губы и начинали двигаться руки, он всегда был в неизменном темно-синем костюме). Будучи языковедом-универсалом (о чем я писал в некрологе о нем в 1968 году), он без труда согласился со мной, и для меня начался праздник¹.

¹ Почти то же самое (но уже в отношении языка суахили) я услышал недавно от другой ученицы проф. П.С. Кузнецова — проф. В.И. Петрянкиной.

На радостях я написал книжку о фонематической системе узбекского языка (с точки зрения МФШ), однако в Ташкенте никто не взялся ее опубликовать, хотя у меня есть положительные отзывы на нее¹. Я читал узбекские газеты и книги, набранные арабским, латинским шрифтами и кириллицей, наметил этапы фонетического освоения русских заимствований, связанные с историей, политикой, два лета провел в Государственной библиотеке в Ташкенте: там был доступен весь Е.Д. Поливанов, в то время как в Москве и Ленинграде он был еще запрещен Главлитом и не выдавался из хранилищ. В общем, я набрал большой материал, нужно было два-три месяца, чтобы написать и сдать диссертацию. К 15 октября 1961 года (окончание аспирантуры) я этого не успел, в том числе в связи с семейной неурядицей. В Ташкенте я это закончил к февралю 1962 года, при этом самое большое впечатление, пронзительную ноту во мне неизменно порождали работы Е.Д. Поливанова: ясно было, что это непростой судьбы человек (повторяю, в то время я ниоткуда не мог узнать о его жизни²).

Привез в феврале я работу в Москву, и добрейший П.С. Кузнецов, характерно подергивая губами, своим коротеньким карандашиком написал свой комментарий на полях. Я уж настолько созрел, что спросил, есть ли литература о сосуществовании в языке фонологических систем (поливановскую замечательную статью «*La perception des sons d'une lang étrangère*» 1931 года я уже знал). Петр Саввич тут же назвал изданный к недавнему московскому Съезду славистов доклад американца чешского происхождения Г. Кучеры, а затем вспомнил о работе 1949 года Чарльза Фриза и Кеннета Пайка. Теперь все, работа была готова, иди, казалось бы, и защищай. Но не тут-то было.

Должен предварительно сказать, что Петр Саввич был идеальным научным руководителем: сам уже переговорил об оппонировании с доктором филологических наук, завкафедрой тюркских языков МГИМО В.М. Насиловым и со своим учеником, как он его

¹ Рукопись до сих пор в моем архиве.

² Он мне близок еще и потому, что мой дед и отец тоже были незаконно репрессированы и тоже в Средней Азии.

назвал, завсектором Института русского языка, кандидатом наук М.В. Пановым. Оба прочитали работу, одобрили ее, но не знали (да и я не знал) об обстановке в «малом», языковедческом совете филологического факультета. Помню обескураженные лица моих обоих официальных оппонентов в день защиты после выступления К.В. Горшковой. Как я теперь понимаю, меня решили проучить за два «промаха»: переход к другому научному руководителю (но я не мог стать структуралистом) и за мои семейные проблемы (расстался с нелюбимой женой). Как ни уговаривал совет Владимир Михайлович Насилов, что диссертация достойна присвоения звания (из зала раздались возмущенные крики; к моему несчастью, К.В. Горшкова получила из отдела аспирантуры ущербный экземпляр автореферата, и еще она не знала тонкостей в передаче гласных в арабском алфавите казанского варианта). Решили отдать мою работу (перед голосованием в «большом» филологическом совете) на экспертизу в три учреждения: в сектор тюркологии Института языкознания АН СССР (зав. Н.А. Баскаков), на кафедру тюркской филологии ИВЯ МГУ и профессору И.А. Василенко, завкафедрой Московского госпединститута. Как ни странно, я благодарен случаю, при котором познакомился с широким кругом прекрасных знатоков своего дела (Ф.Д. Ашнин, А.А. Коклянова, Ш.С. Айляров, сам Иван Афанасьевич Василенко и другие). Все они дали положительные отзывы о работе, вся процедура просто оттянула присвоение ученой степени. Перед заседанием «большого» филологического совета мой дорогой Петр Саввич по своей инициативе ходил со мной на прием к председателю совета, тогдашнему декану А.Г. Соколову, и рассказал ему, что работа хорошая.

Положительный письменный отзыв о диссертации (без моей просьбы) в начале 1963 году дал и Р.И. Аванесов.

Зная, сколько пережил П.С. Кузнецов в связи с защитой моей диссертации, Вал. В. Иванов — распорядитель на похоронах моего руководителя в 1968 году — назначил меня ответственным за вынос тела из квартиры на Воробьевых горах и из клуба МГУ на тогдашней улице Герцена. Помню скорбное лицо молодого А.А. Зализняка, который при выносе тела на Моховую подбежал к гробу и сменил меня. Над могилой, вслед за Р.И. Аванесовым, я тоже произнес речь

от имени учеников Петра Саввича («птенцов гнезда Петрова», как сказано было ранее на юбилее Кузнецова). Не случайно В.В. Иванов поручил мне написать и некролог памяти П.С. Кузнецова в «Филологических науках». Некролог в «Вопросах языкознания» опубликовал Б.А. Успенский; там есть фраза, обозначающая кредо автора, несогласного с волей начальства: «Если Академия не приняла в свои ряды П.С. Кузнецова — тем хуже для Академии!»

Я знаю почерк П.С. Кузнецова (он писал укороченной ученической ручкой, обмакивая ее в чернила), читал после его кончины личное дело; в нем лежит вызывающее содрогание заявление смертельно больного Петра Саввича: «Прошу не выводить меня полностью на пенсию». В 1967 году он, зная, что смерть его предрешена, написал «Автобиографию» на 100 страницах. Рукопись хранится в академическом институте, но я не смог достать и увидеть ее (хотя и просил об этом), чтобы выписать нужные отрывки. Удовлетворен тем, что с помощью С.Н. Боруновой опубликовал завещание Р.И. Аванесова [1].

Что я умел и знал после окончания аспирантуры? Лучше всего фонетику современного русского языка (по книгам Р.И. Аванесова) и сопоставительную фонетику (как ее сформулировал в свое время Е.Д. Поливанов и замечательно обобщил А.А. Реформатский в 1959 году в «Филологических науках»). Поэтому с охотой пошел обучать иностранцев в МАДИ (там был огромный подготовительный факультет, на кафедре РКИ было около 60 преподавателей). Вот эти указанные выше 2 дисциплины лежат ближе всего к сердцу доньше. Я вспоминаю внимательное и спокойное отношение к моим «вопросам» Р.И. Аванесова, кропотливую работу (в моем присутствии) незабвенного П.С. Кузнецова в его кабинете за столом с зеленым сукном в квартире на Воробьевых горах. Я также помню желание помочь мне (выявить научный потенциал) еще одного замечательного человека, ученика П.С. Кузнецова по Мосгорпединституту им. Потемкина — проф. М.В. Панова. Это он заказал мне 2 статьи в академические сборники, которые он редактировал, и одобрил методику работы над ними; опубликовал их в 1966 и 1971 годах («Развитие фонетики современного русского языка»).

Забыть стольких добрых и знающих людей, которые накрепко «привязали» меня к Московской фонологической школе,

я не могу, они всегда со мной. Благодарен редакционной коллегии научного сборника «Русистика и компаративистика» за то, что она дала мне возможность выполнить не дававший покоя долг моей совести — помянуть тех, кто поставил меня на ноги.

Литература

1. [Аванесов Р.И.] Post lucem. Testamentum. Завещание Рубена Ивановича Аванесова (1902–1982) / Р.И. Аванесов // Вариативность в литературном произношении. Борьба вокруг нормы / Под ред. Ж.В. Ганиева. – М.: МГПУ, 2006. – С. 112–113.
2. Богомазов Г.М. Современный русский язык: Фонетика / Г.М. Богомазов. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 352 с.
3. Бондарко Л.В. Стили произношения и типы произнесения / Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, М.В. Гордина и др. // Вопросы языкознания. – 1974. – № 2. – С. 64–70.
4. Ганиев Ж.В. Об адекватном описании русского нормативного произношения (в соответствии с учением акад. Л.В. Щербы) / Ж.В. Ганиев // Вопросы языкознания. – 2008. – № 1. – С. 121–128.

Zh.V. Ganiev

The Philological “Taste of Epoch” (Mid-Twentieth Century)

This article is a memoir of the author’s long friendship with Professor G.M. Bogomazov.

Key words: Moscow phonologic school; St.-Petersburg phonologic school.